Ветераны Великой Отечественной войны – преподаватели филологического факультета

великий праздник, соединяющий времена и людей. «Всем миром, всем народом, всей Землей» — это значит всем разделить и огромную боль, и огромную надежду на мир.

лаборатория фонетики и речевой коммуникации

Профессор Венедикт Степанович Виноградов кафедра иберо-романского языкознания

Профессор Владимир Прокопьевич Аникин кафедра устного народного творчества

Сегодня мы живем, далеко не каждый день вспоминая о том жестоком времени. Не всегда осознаем счастье, когда вдоволь хлеба, когда в жизни нет постоянного ужаса, когда тишина.

Ст. преподаватель Стефания Ивановна Базыленко кафедра истории русской литературы XX в.

Доцент Нина Максимовна Ёлкина кафедра русского языка

Нам, двадцатилетним, надо постоянно поверять себя нравственной меркой тех ребят и девушек, что в сороковые шли защищать Родину. Горько, что у нашего поколения так много поводов сказать: «Богатыри немы».

Мы будем стремиться хоть немного соответствовать вашему примеру, дорогие ветераны!

Профессор Валентина Николаевна Прохорова кафедра русского языка

Доцент Эльвина Сергеевна Котвицкая кафедра русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

Дай вам Бог здоровья, счастья и радости

С Днем Великой Победы!

Федор Ермошин

Отшумела листва, и на небе свинцовая хмарь. Облетели поблёкшего солнца косые лучи. Он приходит сюда, как лет десять назад, как и встарь; Он приходит, сжимая гвоздики в руке, и молчит.

Перед ним постамент: чёрный мрамор, плита два на два. На плите имена друг за другом — всего сорок пять. Может, надо сказать пару слов... да какие слова? Он бы мог до рассвета у этой плиты простоять.

Мимо — жизнь, и домой подуставшие люди спешат, И у каждого груз неизбывных житейских забот. Может быть, что никто в равнодушии не виноват, Но его-то душа до сих пор в сорок пятом живёт... Что он помнит и видел – известно ему одному:
Внуков тема войны не колышет – как красочный сон...
– Что рассказывать, дед? Всё равно ничего не поймут.
Мне тут выдал меньшой: «Немцы? Знаю, да... Наполеон!..»

Как всё быстро прошло... отголосок военных тревог Только в хрониках старых да в фильмах, бывает, мелькнёт. Он бы всем показал, что такое война!.. если б мог. Ведь его-то душа до сих пор в сорок пятом живёт...

Он возложит цветы и немного ещё постоит. Он возложит цветы, вспоминая ушедших друзей. Да, ничто не забыто. Конечно, никто не забыт. Но от этого как-то не легче. И даже больней.

Мария Власова

«Мы – младшие дети войны...»

(Из воспоминаний декана филологического факультета Марины Леонтьевны Ремнёвой об отце, ветеране Великой Отечественной войны Леонтии Викторовиче Ремнёве)

О войне мой отец не говорил вообще. Он воевал на 3-м Белорусском фронте, служил на «катюшах». А у тех, кто служил на «катюшах», могло быть только два исхода: либо жизнь, либо смерть. Никаких ранений, никаких госпиталей. Несмотря на войну, папа все время присутствовал в моей жизни. Например, ко дню рождения он мне прислал общую тетрадь для ведения дневника и написал: «Дорогой Марочке (так меня очень долго звали в семье) от папы». Потом вдруг я получила от него «Чудо-дерево» Корнея Чуковского. Как это было возможно в военных условиях, я до сих пор представить себе не могу. Отец постоянно участвовал в моей жизни, и это были не просто письма с фронта. Домой он вернулся в 1946 году, пройдя через Дальний Восток. Самым интересным было его появление. Я пришла из школы и увидела совершенно незнакомого человека. Только

через какое-то время начала догадываться, что это папа. Была война, были те кошмары, которые сегодня все время показывают по телевизору, и в то же время письма и подарки с фронта приходили по назначению, был какой-то внутренний порядок. Люди пытались помочь друг другу. Когда мы эвакуировались в Сибирь, мама с папой, сидя на Казанском вокзале, обсуждали, как связаться. Какая-то незнакомая женщина услышала их разговор и сказала: «Я живу в Омске. Пусть каждый из вас, приехав на место, напишет письмо мне, а я эти письма разошлю по вашим адресам». И в течение ближайшего времени связь действительно установилась.

Мы – младшие дети войны. Я хорошо помню День Победы, 9 мая 1945 года. В те времена люди знали, кто живет по соседству, ходили друг к другу в гости, и я вспоминаю, как кто-то ночью постучал в нашу

дверь и крикнул: «Люди, люди, просыпайтесь, победа!» Наши окна выходили в парк, в котором по кругу летали самолеты, которые были иллюминированы в честь праздника. Это происходило уже в Подольске. Помню светлое небо, зеленый парк и кружащиеся самолеты. А потом мы с мамой пошли гулять. Со мной были прыгалки, или скакалки, и мама сказала: «Прекрати! Сегодня такой день, когда всем хочется прыгать и без твоих веревочек». Мы шли смотреть фильм «В шесть часов вечера после войны». Руководители клуба, в котором показывали кино, начали сеанс не в пять тридцать, как было запланировано, а в шесть. Так что этот фильм я смотрела ровно тогда, когда было положено. Помнится, радио тогда было включено постоянно, и меня удивило, что передают, как на подходе к Праге наши войска ведут ожесточенные бои. Я поняла, что война закончилась не совсем, что кто-то еще погибает. Когда я была в Праге спустя много лет, нас повели на кладбище советских воинов, где похоронено очень много ребят, погибших в День Победы.

А сегодня, несмотря на праздник, во мне живет чувство тревоги, обусловленное тем, что происходит с нашим образованием в стране. История изучается по десяткам учебников. Дети уже лет десять тому назад не знали, кто такие Ленин, Сталин, Чапаев, Жуков, Василевский. Нынешнее поколение, я думаю, знает историю еще хуже. А война — это история, на которую все время наслаиваются какие-то новые сведения. Уйдут люди моего возраста — и праздник превратится в нечто, подобное празднику 4 ноября, просто в свободный день, неизвестно чему посвященный. День Победы — это не веселый, а великий праздник, память о котором должна сохраняться.

Беседовал Алексей Холиков

Воспоминания Валентины Николаевны Прохоровой, записанные Екатериной Кисловой

21 июня был у нас выпускной вечер в московской школе-десятилетке. А на следующий день после выпускного война началась. Я долго думала, как и многие мои одноклассницы и одноклассники, как можно быть полезными фронту. Вместе с тем я собиралась поступать в ИФЛИ. Но, чтобы я действительно могла быть полезной, я пошла в школу медсестер. Так я была зачислена на трехмесячные курсы. И одновременно пошла на собеседование в ИФЛИ. У меня был диплом, то, что сейчас называется красный, с отличием, и я рассчитывала, что я поступлю. Там было собеседование, а потом к 1-му числу мне прислали вызов, сообщили, что я зачислена. А я продолжала на курсы ходить.

ИФЛИ тогда уже находился не в Сокольниках, в его старом здании уже был госпиталь, а сам ИФЛИ перевели на улицу Погодина. Там был педагогический институт. На четвертом этаже висела табличка: «Школа глухонемых», надпись была перечеркнута, и подписано сверху: «Филологический факультет». Начались первые лекции, и показались они очень интересными. Читал лекции, например, профессор Винокур.

И одновременно начались первые бомбежки. Вначале, несколько месяцев, объявляли тревогу, но самолетов вражеских в Москву не пропускали, а потом начались бомбежки. А однажды наш замдекана нам сообщил, что занятия временно прекращаются и нужно идти копать окопы. Приехали мы в Кунцево, там были работы. Там тоже бомбили...

А потом нам сообщили, что 19 октября... страшный день... немцы почти вплотную подошли к Москве. Кто-то приехал, пришел и сказал, что ИФЛИ эвакуируется. И вскоре ко мне пришла женщина из РОК, которая организовывала курсы для медсестер, и сказала: «Валя, нужно сейчас отправляться сопро-

вождающей в Муром». Войска тогда формировались в Муроме. «Берите сумку санитарную и сопровождайте».

Я так поняла, что был очень большой призыв из школьников 9 — 10 классов. Они пешком отправились в Муром, и я их сопровождала. Там должны были из них формировать войска. Но я заболела в Егорьевске, и меня положили в больницу, и райвоенкомат Егорьевский сказал, что лучше мы вас вернем в московский военкомат, и вас там определят. Неофициально я уже считалась военнообязанной. Я приехала, и мне сказали: «Сейчас нет призыва, вы девушка, медицинский работник... идите поработайте...» ИФЛИ уехал. Я стала искать работу. А работы не было, потому что была большая эвакуация. Тогда я вспомнила, что у меня есть диплом медсестры военного времени. Я обратилась в нашу поликлинику, и главврач сказала: «Конечно, пойдешь работать!»

К нашей поликлинике относились казармы – общежития Цинзеля, заводчика, на Дербеневской улице. Каменные шестиэтажные казармы с металлическими лестницами. Огромные комнаты, где стояли кровати. И оставались там некоторые люди, пожилые в основном. Хотя завода уже не было, эвакуировали. Холод, не топят совсем, кирпич, железо. И вот вызывают туда. Написано: ставить банки. За туда, забираюсь по этим самым лестницам - громко так по ним топаешь... Вот эта пустая комната, несколько кроватей, живет человека два-три. Холодина, пар идет. И лежит человек, воспаление легких. И набросано на него всё, что можно потеплее набро сать. Я сажусь рядом, и мы начинаем решать, от чего будет больше пользы: ставить банки или нет, чтобы не застудить в процессе.

А в феврале был призыв – вызывают в военкомат. Был призыв девушек и женщин, уже в армию, ре-

гулярную. Меня спросили: «Что вы можете? Где работали?» – «Медсестра, трехмесячные курсы». – «А знаете что! В Москве формируется госпиталь 23 – 86, сортировочно-эвакуационный, вы там очень пригодитесь».

СЭГ 23 – 86... Была такая система медицинской организации помощи: сперва медсанбат, потом дальше – ППГ, походный полевой госпиталь. Ну, а СЭГ – это был большой госпиталь, где производилась санитарная обработка, а главное, диагностика. Какое ранение, какой срок выздоровления, куда отправлять: госпиталь легкораненых – 30 дней, госпиталь фронтового тыла – до 60 дней, госпиталь глубокого тыла – от 70 дней и больше... И тут же делали операции, или тут же лежали больные, которых нельзя было отправлять.

И мы передвигались. Сначала мы были под Москвой, потом — Смоленск. Мы приехали прямо через несколько дней после освобождения Смоленска. Сохранилось несколько десятков домов. Только разместились у нас раненые, в бараках, сараях — как вызывают начальников отделений. Бомбу огромную нашли. И всех, кто мог идти, ползти, перевели на несколько километров от Смоленска, в Гедеоновку, бывший сумасшедший дом. А кто не мог идти — оставляли... Дальше был Вильнюс, потом Каунас, вот из Каунаса меня демобилизовали.

В городах по белорусской дороге, когда госпиталь

переезжал из Смоленска в Вильнюс, мы ехали без раненых и больных, были подряд бомбежки по всем узловым станциям, и несколько человек погибло от осколков.

Когда наступление начиналось — поток раненых, больных и контуженых добирался через медсанбат к нам, в этот госпиталь. И нужно всех детально осмотреть, чтобы определить срок лечения. Ну а в хирургических — операции, операции...

Сам процесс осмотра сложен. Терапевты наши сидели, несколько женщин. Одна из них, специалист по туберкулезу, Марья Николаевна. Народа очень много, еще прибывают машины. И начальник отделения ходит: «Пожалуйста, побыстрее, побыстрее...» А Марья Николаевна говорит: «Я ни одного больного недоосмотренным не отпущу, вдруг я что-то не увижу!» И так сидят наши женщины, измученные, ночь на исходе... И вот берет она таблетку кофеина, отламывает, выпивает, чтобы скорее в себя придти, и дальше – пока нужно. И когда всех осмотрели – тогда только пошли спать...

У нас был главный терапевт фронта, Дмитриев. У него был сын, военнообязанный, он его устроил санитаром в госпитале в медсанбат. Ну понятно, всетаки отец. Но вот этот Димка у нас побыл какое-то время, потом официально – стал санитаром в медсанбате. Все-таки в медсанбате не так опасно. Все-таки отец... есть возможность... И вот мы узнаем, что этот медсанбат попал в окружение и всех вырезали, и Димку в том числе. И это так нас потрясло...

У меня подружка одна еще осталась, многих наших уже нет... И мы вспоминаем с ней уже все это... как вам сказать... я не хвастаюсь, я себя не принижаю, но мы ведь были в хороших условиях, все-таки госпиталь. А те, кто был в самых трудных условиях, те и погибли, и умерли раньше... Мы же с поля боя не вытаскивали. Мы делали то, что нам пришлось, и делали честно. А чествуют только нас, потому что умерших уже нет. Мы делали, что могли. Может быть, мы получаем вместо них внимание, все это... Но я была самой обыкновенной...

Воспоминания Елены Федоровны Васеко, записанные Маргаритой Лапчинской

В день Великой Победы в Отечественной войне принято говорить и писать о героических подвигах солдат и офицеров Красной Армии. Моя военная служба сложилась так, что мы только отступали. Если в 1941 году основной удар немецкой армии был направлен на Москву, то летом 1942 года целью немецких захватчиков было южное направление – Курск, Харьков, Сталинград, северный Кавказ.

арьков, Сталинград, северг Но начну все по порядку.

В августе 1941 года моя семья была эвакуирована в Тамбовскую область, где я заканчивала 10 класс. В мае 1942 года, не успев закончить школу, я добровольно ушла в армию.

Вместе с группой девушек, таких же добровольцев, как и я, была направлена в Отдельную корпусную эскадрилью, которая располагалась недалеко от г. Новый Оскол Курской области. Наша эскадрилья была разведывательной. Рано утром самолеты вылетали в расположение немецких войск и фотографировали находившуюся там технику. Ранний вылет объяснялся тем, что в это время предметы на земной поверхности отбрасывают длинные тени, и по ним можно судить (дешифрировать), где танки, где пушки и т. д. В эскадрилье я была фотограмметристом. В нашу задачу (со мной работали еще два солдата) входило как можно быстрее проявить фотопленки, высушить их (для этой цели давали спирт) и потом смонтировать из них фотосхему на отснятую площадь. Тут же на самолете эту смонтированную фотосхему отправляли в штаб боевого авиационного

Самолеты-разведчики часто не возвращались из полета, и, когда их стало совсем мало, поступил приказ нашу эскадрилью расформировать.

Женский состав перевезли куда-то севернее Харькова и включили в РАО (рота аэродромного обслуживания). Там я стала связисткой. Поселили нас в школе (кажется, село называлось Ольховатка). Так мы жили, ожидая работы, недели две.

Однажды рано утром мы увидели: по шоссе, которое проходило мимо школы, наши солдаты, командиры идут беспорядочным строем не на запад, а на

восток. Не успела я понять, в чем дело, как в село въехал немецкий мотоциклист. Первая мысль – бежать! Но куда? Около школы был сад, окопанный канавой. По этой канаве мы (несколько девчонок), пригнувшись, побежали. За садом мы увидели всех наших: лейтенант, два сержанта, старшина и остальные девчонки. Перед нами было поле, но выстрелов пока не слышно. Перебежав это поле, мы наткнулись на речку, не очень широкую, но глубокую и с быстрым течением. Я хорошо плавала, и для меня проблемы не было: я взяла в зубы комсомольский билет и красноармейскую книжку, вещмешок за плечами, и вскоре была на другом берегу. Девочки, которые плавать не умели, стояли на берегу и плакали. Наш лейтенант тоже не умел плавать, но его перетащили наши мужчины. Когда он оказался на противоположном берегу, он стал кричать на девчонок: «Плывите, а то я в вас стрелять буду как в изменниц...». Тогда мы с одной девушкой (помню, ее звали Вера) взяли ремень и по одной перетащили этих девочек на другой берег. Они держались за середину ремня, а мы с Верой по обоим концам, но ближе к середине. И вот мы собрались на том берегу, но уже стали слышны выстрелы и через головы стали лететь пули...

Куда идти? Конечно, на восток.

Сержанты (их звали Володя и Сережа) предложили мне и еще двум девочкам пойти с ними, а не с лейтенантом и всей группой. Сережа и Володя сказали, что они отступали от самой границы, чуть не попали в окружение и у них есть опыт, как вести себя в подобной ситуации. А лейтенант тех, кто пошел с ними, не спасет. Так оно и вышло. Как мне потом рассказала чудом спасшаяся девочка, случилось вот что. Удалившись на приличное расстояние, они увидели озеро и стали купаться. И тут налетели немецкие самолеты, стали бомбить, и почти никто в живых не остался.

А мы шли и шли на восток. Сколько суток занял путь до Дона, я уже не припомню. Шли мы днем и ночью, позволяя себе пару часов отдохнуть в стоге сена. Ночью мы все время видели зарево на востоке. Это нас пугало: а вдруг там уже немцы. Днем было

легче, но, когда мы подходили к какой-нибудь деревне, мы прятались, опасаясь, что деревня уже занята немцами. Один из наших парней шел на разведку и заодно — попросить какой-нибудь еды. Ведь мы сутками не ели. А нужно еще учесть, что у многих из нас не было обуви, многие шли босиком (нам не успели выдать обмундирование).

За весь этот путь до Дона меня потрясло то, что в небе не было ни одного нашего самолета. И еще одно: только в одном месте мы увидели маленький окопчик с двумя или тремя орудиями и несколько солдат при них. Вот и вся наша оборона на таком пространстве.

Наконец мы дошли до Дона, разыскали паромную переправу, и нас перевезли на другой берег. Напряжение несколько спало. И тут нам повезло: не помню, сколько мы еще прошли пешком, но вышли к железной дороге, где стоял поезд с танками на платформах. Танкисты взяли нас с собой, и так мы доехали до Сталинграда. Это была середина августа.

В Сталинграде мы нашли свою часть, но так как от нее остались «рожки да ножки», часть расформировали. Нас, кто вернулся в часть, направили на пересыльный пункт, где формировалась маршевая рота, которая готовилась для отправки в 556-й стрелковый полк для Сталинградского фронта. Расположение 556-го полка было на левом берегу Волги в поселке Харабали у рукава Волги Ашалук. Там меня зачислили в роту связи, где я была единственной представительницей женского пола.

Меня назначили дежурным телефонистом по полку, и у меня была маленькая отдельная земляночка, где я сидела по 14–16 часов, держа все время трубку у уха, так как иначе зуммер можно не услышать.

Наконец поступил приказ отправить наш 556-й полк в Сталинград, где уже шли бои. Погрузили нас в три эшелона. Первые два ушли немного раньше с интервалом в 2–3 дня. Мне приказано было ждать третьего эшелона. В нем ехало командование полка (командир, комиссар и начальник штаба), какое-то число солдат и офицеров, там же были боеприпасы. Ночь мы проехали благополучно, но на рассвете наш

эшелон остановился на станции Верблюжья. Меня вызвали в штабной вагон. Только я туда пришла, как в небе появились немецкие самолеты и начали бомбежку. Кроме нашего эшелона на путях стояли два поезда с цистернами с горючим. Немецкие самолеты сделали три захода, и каждый раз попадали в цель. Зрелище было ужасное: пылает горючее, рвутся снаряды в нашем эшелоне, рядом с платформами лежат убитые и раненые, которые пытались спастись, спрыгнув с поезда.

У меня было несколько так называемых индивидуальных пакетов, и я начала перевязывать раненых. В это время стали рваться снаряды в эшелоне, и те, кто уже отошел на безопасное расстояние от взрывов, кричали мне, чтобы я ушла от вагонов и раненых, потому что осколки от снарядов могут попасть и в меня. На этот раз я получила легкое ранение, и меня уговорили отправиться в госпиталь в поселок Харабали, откуда мы накануне выехали.

После лечения в госпитале меня направили в другой, 147-й стрелковый полк.

17 ноября 1942 года мы получили хорошее известие: наши войска прорвали с юга немецкое кольцо, которое окружило Сталинград, и бои шли теперь в самом городе. Наш полк должен был продвинуться к городу на помощь сражающимся там войскам. Южное направление было слабым местом для немцев, и они постоянно бомбили южную часть города. В одну из таких бомбежек во время дежурства на коммутаторе 20 декабря 1942 года меня тяжело ранило (ампутация правой руки). В полевом госпитале мне сделали операцию, чтобы убрать раздробленные кости, а потом началась переправка меня из одного полевого госпиталя в другой, пока, наконец, на поезде не отвезли в стационарный госпиталь в г. Уральск, где я пролежала больше трех месяцев.

Так трагически и в каком-то отношении бесславно окончилась моя военная служба по защите Родины. Все получилось мрачно, но, как говорится, чему свидетель был...

ВЕРА ПОРШНЕВА: ЗАПИСКА И ПИСЬМО ПАРТИЗАНКИ К МАТЕРИ

29 ноября 1941 г.

Завтра я умру, мама.

Tblпрожила 50 лет, а я лишь 24. Мне хочет-

ся жить. Ведь я так мало сделала! Хочется жить, чтобы громить ненавистных фашистов. Они издевались надо мной, но я ничего не сказала. Я знаю: за мою смерть отомстят мои друзья – партизаны. Они уничтожат захватчиков.

Не плачь, мама. Я умираю, зная, что все отдавала победе. За народ умереть не страшно. Передай девушкам: пусть идут партизанить, смело громят оккупантов!

Наша победа недалека!

30 ноября 1941 г.

Милая мамочка!

Пишу это письмо перед смертью. Ты его получишь, а меня уж не будет на свете. Ты, мама, обо мне не плачь и не убивайся. Я смерти не боюсь... Мамочка, ты у меня одна остаешься, не знаю, как ты будешь жить. Я думаю, что Зоя тебя не бросит. Ладно, моя милая, доживай как-нибудь свой век. Мама, я все же тебе немного завидую: ты хоть живешь пятый десяток, а мне пришлось прожить 24 года, а как бы хотелось пожить и посмотреть, какая будет дальше жизнь. Ладно, отбрасываю мечты...

Писать кончаю, не могу больше писать: руки трясутся и голова не соображает ничего – я уже вторые сутки не кушаю, с голодным желудком умирать легче. Знаешь, мама, обидно умирать.

Ну ладно, прощай, моя милая старушка. Как хотелось бы посмотреть на вас, на тебя, на Зою, милого Женечку, если сохраните его, расскажите ему, какая у него была тетя. Ну все. Целую вас всех и тебя, мою мамочку.

Твоя дочь Вера

Интервью с ветераном Великой Отечественной войны Валентином Николаевичем Белослудцевым

скажите, пожалуйста, как для Вас началась война.

Когда началась война, мне исполнился 21 год. К тому времени я уже окончил водный техникум в Архангельске и даже проработал некоторое время помощником капитана. В 1940 году я был призван в военно-морской флот, и из Архангельска меня переправили на остров Соловецкий. Там был организован отряд по подготовке Северного флота, и я угодил в школу младших специалистов морской авиации, которую окончил ровно через год. В июне 1941 года меня направили по распределению в Североморск и командировали в пятый отдельный авиаполк седьмой воздушной армии. Из морского штурмана мне предложили переквалифицироваться в авиационного. Я самостоятельно проштудировал множество книг по авиации, сдал экзамен и стал авиаштурманом.

Этот полк назывался «отдельным». В чем была его особенность?

Особенность нашего полка состояла в том, что он был универсален, выполнял все виды заданий: полеты к партизанам, бомбардировка, выброс разведчиков. Об уникальности пятого полка говорил даже командующий седьмой воздушной армией К. А. Мерецков.

разведчиков?

Разведчиков мы бросали с самолетов Р-5. Они были оборудованы кассетами Гроховского, установленными под нижними крыльями самолета. Туда ложился разведчик, на высоте 150 метров по сигналу штурман открывал кассету, и разведчик выпрыгивал с парашютом. В одном самолете Р-5 помещалось до 16 разведчиков!

Противник часто заставал врасплох?

Был у меня один неприятный случай. Одно время мы регулярно доставляли боеприпасы и продукты партизанам, выходившим из окружения. Финны засекли наш маршрут и атаковали. Финский «Гладиатор» неожиданно зашел с хвоста и, чтобы сбить нас, дал очередь с большой дистанции, но не попал. Пилот велел мне подождать и не давать сразу ответный огонь. Финны, не увидев ответного выстрела, посчитали наш Р-5 безоружным и подлетели вплотную. Тогда-то я и атаковал, да так, что с первой же очереди «Гладиатор» рухнул на землю.

Вы говорили, что пятый полк, помимо всего прочего, бомбил города?

Зимой 1942-43 гг. мы в основном летали по ночам бомбить тылы Финляндии на самолетах ЛИ-2. Задания бывали комбинированными: сначала мы выбрасывали разведчиков, а по-

Валентин Николаевич, рас- том бомбили города, военные заводы. В первый полет очень удачно атаковали город Оулу. Финская разведка работала плохо, поэтому противник не был предупрежден о нашем нападении: город не затемнили, и мы не встретили никакого сопротивления.

> В 1944 году Финляндия вышла из войны, и мне, как уже опытному штурману, предложили перевозить маршала СССР К. А. Мерецкова.

Каким был военный быт? Как кормили?

Да что говорить, трудное было время... Питались мы, я считаю, вполне удовлетворительно, а вот местному населению приходилось хуже: помню, выходим вечером из столовой, а к нам куча голодных ребятишек бежит... Мы им и отдавали все, что оставалось. Самое тяжелое на Севере – это нехватка витаминов. Однако мы научились решать эту проблему: три раза в день пили настой хвои.

Расскажите, пожалуйста, где Вы встретили День Победы?

феврале 1945 года пришел приказ о переводе нашего полка на Дальний Восток - там как раз сосредотачивались силы для войны с Японией. Туда же прилетел маршал Мерецков под фамилией генерал-полковника Максимова. Перед полетом у Как осуществлялся выброс меня разболелись зубы. В Хабаровске врач вырвала мне три зуба и предупредила, чтобы я не застудил десну. Однако в мае я все же умудрился ее застудить, и мне сделали операцию, так что День Победы я встретил в госпитале.

А парад Победы 24 июня 1945 года помните?

Мне посчастливилось присутствовать на самом параде. Дело в том, что в июне 1945 года маршала Мерецкова вызвали в Москву: на параде Победы он должен был открывать сводный полк Карельского фронта. Перед экипажем была поставлена задача довезти маршала как можно быстрее. Я проложил короткий маршрут с пятью посадками: Воздвиженка, Белы, Новосибирск, Свердловск и Москва. Посадки были короткие, около часа. Долетели мы за 30 часов 50 минут. Сталин был крайне удивлен такой скоростью и приказал отметить наш экипаж.

Валентин Николаевич, каково, на Ваш взгляд, отношение современной молодёжи к ВОВ?

Меня часто приглашают в школы рассказывать ученикам о событиях того времени. Школьники слушают меня с интересом, но сами о войне мало знают, однако это не их вина. Причина невежества, я считаю, кроется в самой системе образования.

Беседовала Наталия Яковлева

ПИСЬМО 15-ЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКИ К. СУСАНИНОЙ С ФАШИСТСКОЙ КАТОРГИ

Март, 12, Лиозно, 1943 г.

Дорогой, добрый папенька!

Пишу я тебе письмо из немецкой неволи. Когда ты, папенька, будешь читать это письмо, меня в живых не будет. И моя просьба к тебе, отец: покарай немецких кровопийц. Это завещание твоей умирающей дочери.

Несколько слов о матери. Когда вернешься, маму не ищи. Ее расстреляли немцы. Когда допытывались о тебе, офицер бил ее плеткой по лицу. Мама не стерпела и гордо сказала: «Вы не запугаете меня битьем. Я уверена, что муж вернется назад и вышвырнет вас, подлых захватчиков, отсюда вон». И офицер выстрелил маме в рот...

Папенька, мне сегодня исполнилось 15 лет, и если бы сейчас ты встретил меня, то не узнал бы свою дочь. Я стала очень худенькая, мои глаза ввалились, косички мне остригли наголо, руки высохли, похожи на грабли. Когда я кашляю, изо рта идет кровь – у меня отбили легкие.

А помнишь, папа, два года тому назад, когда мне исполнилось 13 лет? Какие хорошие были мои именины! Ты мне, папа, тогда сказал: «Расти, доченька, на радость большой!» Играл патефон, подруги поздравляли меня с днем рождения, и мы пели нашу любимую пионерскую песню...

А теперь, папа, как взгляну на себя в зеркало – платье рваное, в лоскутках, номер на шее, как у преступницы, сама худая, как скелет, - и соленые слезы текут из глаз. Что толку, что мне исполнилось 15 лет. Я никому не нужна. Здесь многие люди никому не нужны. Бродят голодные, затравленные овчарками. Каждый день их уводят и убивают.

Да, папа, и я рабыня немецкого барона, работаю у немца Шарлэна прачкой, стираю белье, мою полы. Работаю очень много, а кушаю два раза в день в корыте с «Розой» и «Кларой» – так зовут хозяйских свиней. Так приказал барон. «Русс была и будет свинья», – сказал он. Я очень боюсь «Клары». Это большая и жадная свинья. Она мне один раз чуть не откусила палец, когда я из корыта доставала картошку.

Живу я в дровяном сарае: в комнату мне входить нельзя. Один раз горничная полька Юзефа дала мне кусочек хлеба, а хозяйка увидела и долго била Юзефу плеткой по голове и спине.

Два раза я убегала от хозяев, но меня находил ихний дворник. Тогда сам барон срывал с меня платье и бил ногами. Я теряла сознание. Потом на меня выливали ведро воды и бросали в подвал.

Сегодня я узнала новость: Юзефа сказала, что господа уезжают в Германию с большой партией невольников и невольниц с Витебщины. Теперь они берут и меня с собою. Нет, я не поеду в эту трижды всеми проклятую Германию! Я решила: лучше умереть на родной сторонушке, чем быть втоптанной в проклятую немецкую землю. Только смерть спасет меня от жестокого битья.

Не хочу больше мучиться рабыней у проклятых, жестоких немцев, не давших мне жить!...

Завещаю, папа: отомсти за маму и за меня. Прощай, добрый папенька, ухожу умирать.

> Твоя дочь Катя Сусанина... Мое сердце верит: письмо дойдет.

По материалам книги «Говорят погибшие герои» (М.: Политиздат, 1986)

Вечный огонь у здания Первого Гума

В Москве очень много ный комплекс «Парк По- ких памятников.

беды». Maленьких, как знаменитая Георгиевская ленточка – чёрнооранжевый маячок на просумках хожих. Одна-

не все: ту же ленту можно чественной. встретить и на ошейниках жить!

ем?

Для многих он лишь здесь, когда мы поступи- пламя факела. ли. Он будет стоять, когда подобного рода, который находится на территории нас есть свой собствен- тивный праздник. ный Вечный огонь, - так давайте познакомимся с ним поближе!

9 фактов о Вечном огне:

- Когда создан? 6 мая 1975 года.
- **Кем? Архитектором** А. Студеникиным (студентом МАРХИ), скульптором Ю. Динесом.
- Стоимость проекта? кого времени - немалые деньги). Средства собирали целый год, большой вклад внесли сами студенты.

- Как выглядит? – Три стесимволов победы в Вели- лы по 16 метров, отделкой Отечественной войне. ка – белый известняк. Три – Больших, как мемориаль- стандартное число для та-

> - Что символизирует? -Три поколения: деды, отцы, внуки. Посвящён студентам преподавателям, не вернувшим-

ко их ценность понимают ся с фронта Великой Оте-

- Кем открыт? Героем у собак, и в волосах в ка- Советского Союза Г.Ф.Тичестве модного аксессу- мушевым. На бронетранара – а ведь это особый спортёре в сопровождезнак отличия, который нии почётного эскорта он нужно было ещё заслу- доставил факел, давший жизнь памятнику. Под зву-Важный символ победы ки гимна Советского Союесть и у нас – это Вечный за и троекратный ружейогонь у здания Первого ный салют был зажжён Гума. Что мы о нём зна- огонь – и почти за 35 лет он не погас ни разу.
- Особенности? Наш символ ушедшей эпохи, памятник – младший брат отголосок военного вре- Вечного огня у кремлёвмени. Вечный огонь стоял ских стен: именно от него
- Что было перед открымы уйдём. Рядом с ним тием? - В честь тридцатинечасто появляются за летнего юбилея Победы интересованные лица. Но 2284 сотрудникам универмежду тем это едва ли не ситета были вручены наединственный памятник грудные знаки «Ветеран войны».
- Что было после? Topучебного заведения. Мы жественный марш возле можем гордиться, что у обелиска и военно-спор-

Уже много лет не прерывается традиция возложения венков в честь героев Великой Отечественной, защищавших свободу нашей страны. Памятник пусть ненадолго, но объединяет представителей двух эпох: ветеранов, чья молодость пришлась на тяжёлые военные годы, и нас, студентов, живущих 3100 рублей (для советс- благодаря их доблести в мирное время.

Мария Власова

«КАТЫНЬ». АНДЖЕЙ ВАЙДА

Весной 1940 года под Смоленском НКВД было расстреляно около 4,5 тысяч пленных польских офицеров. Это событие на многие годы стало сложным моментом в отношениях между Польшей и СССР/Россией. Проводились эксгумации, результаты которых становились оруидеологической меиж борьбы, оспаривались и вновь признавались достоверными. Только в 1990 году Россия признала свою ответственность за катынские события.

Анджей Вайда - культовый польский режиссер. Картины он сниисторические, мает касающиеся «горячей памяти». Как говорит сам режиссер, основная его задача - сделать так, чтобы конфликт исчерпался фильмом, завершился, затух, потому что обсуждать больше нечего. Его последняя на данный момент картина, снятая в 2007 году, как раз о Катыни. Как отмечает сам Вайда, «Катынь» имеет для него особое значение по сравнению с остальными фильмами, поскольку ero отец тоже стал жертвой этих расстрелов.

Картина охватывает время с тридцать девятого по сорок пятый годы, и главное место в ней уделяется даже не столько самим офицерам, сколько их семьям. Сам по ceбe процесс ожидания в полном неведении тяжел, а тут еще и опасность высылки, и двусторонний идеологический THET, необходимость выбирать - на какой стороне остаться.

Но хочется сказать несколько о другом. Я слышала много отзывов об этом фильме, и довольно часто режиссера обвиняют в том, что тот снял нашиональное польское кино, чуть ли не антироссийское. Однажды даже попалось словечко «гипердиссиденствование».

Между тем сам Вайда неоднократно говорил - и в фильме эта позиция четко прослеживается, - что необходимо разделять людей и режим. В противном случае в фильме бы не было советского офицера Попова пытается спас-(OH ти жену и дочь одного из арестованных). противостоит «Людям система, безличная и бесчеловечная, и не надо смешивать NTE две вещи». Вайда не личноспереходит на ти, не ставит старые грехи в упрек новым Есть государствам. Тоталитарный. режим. Неважно, с какой стороны он появился - с Востока или с Запада, ведь лицо у него методы одно M одни. И пропаганда одинаково жесткая, и документальные xpoники одинаково TeHденциозны. 19 марта 2008 года в интервью, радиостанции данном «Эхо Москвы», Вайда сказал: «Я показал систему. Она без лица. Эта система без лица, просто выполняет что-то. Они ничего не возбуждают против себя, эти люди, которые участвуют в этой системе, они просто... часть машины. Страшно то, что эта машина ликвидировала гораздо больше граждан Советского Союза».

Елизавета Ольховская

«ПИЛОТКА» ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ФАКУЛЬТЕТА ГРЯДУТ ПЕРЕМЕНЫ! ЖДИТЕ ВЫХОДА СТУДЕНЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ ОСЕНЬЮ.

Редколлегия: А. Холиков (административные вопросы), Ф. Ермошин (поэзия), Г. Майоров и Н. Поселягин (проза, публицистика, критика, библиография), О. Кочеткова (дизайн, верстка, корректура). Редсовет спецвыпуска: Е. Глазова, А. Горшкова, Л. Жданова, Е. Крюк, Е. Логинова, М. Полякова, Л. Шаманаев, К. Кичигин, Н. Яковлева. Авторы: М. Власова, Ф. Ермошин, Е. Ольховская. Корреспонденты: Е. Кислова, Р. Лапчинская, А. Холиков, Н. Яковлева. Благодарим за помощь Е.Г. Домогацкую, А.А. Варламова, Е.В. Тупикину. Тираж 500 экз. Подписано в печать 11.06.2009. Отпечатано в типографии ордена «Знак Почета» Издательства Московского университета. 119991, Москва, ул. Академика Хохлова, 11. Заказ 1420.